

В. Н. ТОМАЛИНЦЕВ

Молодёжная
среда —
образ
будущего

Владимир Николаевич Томалинцев

Молодёжная среда – образ будущего

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62777682

Молодёжная среда – образ будущего:

ISBN 978-5-00165-145-1

Аннотация

Молодёжь выступает наиболее активной и заметной социально-возрастной группой. В будущем неизбежно именно на неё ляжет груз решений за родную страну, окружающий мир, дальнейший путь культурно-исторического процесса.

У каждого нового поколения свои всё более сложные Вызовы, что предполагает и столь же непростые Ответы. От принятия решений будущими поколениями зависит выживание самого Человека и всей Планеты. Во многом правильное решение зависит от верного выбора между экстремистскими и экстремально-творческими тенденциями развития, от адекватного мировоззрения, которое должно находиться в процессе оптимизации.

Книга предназначена как для специалистов в области молодёжной социологии и политики, представителей различных сфер социогуманитарного знания, так и для широкого круга

читателей, всех, кто интересуется проблемами человека и общества.

Содержание

Предисловие	6
Глава I	10
Реализм как центральный элемент анализа настоящего и будущего	10
К феноменологии развития (с позиций социальной экстремологии)	15
Усложнение и утончение как две стороны процесса развития	23
Конец ознакомительного фрагмента.	29

В. Н. Томалинцев
Молодёжная среда
– образ будущего

*Кто тонко чувствует, тот остро жаждет
лучшего*

Бальтасар Грасиан

Предисловие

Никто не станет спорить с высказыванием о том, что: «Молодёжь – это наше будущее». При этом у многих представления о будущем имеют некий магический, сакраментальный смысл, окутанный романтическим, позитивным флёром. Это состояние хорошо определил А. П. Чехов в пьесе «Дядя Ваня», где одна из героинь, мечтая о будущем, утверждает, что именно там все «увидят небо в алмазах!»

Однако, находятся и те, кто по поводу будущего высказываются скептически, с большой долей осторожности, и даже пессимизма, находя в современных им тенденциях общественного развития, культурной эволюции человечества в целом, линию, направленную в сторону обостряющихся конфликтов, кризисов и катаклизмов.

К счастью есть и реалистически мыслящие люди, которые отдают себе отчёт в необходимости учитывать все тонкости и сложности диалектических противоречий, неизбежно возникающих как в социокультурном, так и в межпоколенческом развитии.

Такой, максимально не предвзятый, объективный взгляд на реальную действительность, хотя и не служит полному примирению сторон, исчезновению противоречий во взглядах, а, напротив, с наибольшей ясностью и чёткостью противопоставляет их, пусть и приводя к спорам, дискуссиям и

публичным обсуждениям острых насущных проблем, однако не ввергает оппонентов в непримиримые, антагонистические состояния, переходящие в кровавые столкновения.

Такое понимание особенно важно в условиях возникновения конфликтов между поколениями, которые могут проявляться не только в борьбе за власть и наследство, но и на повседневном, бытовом уровне. Подобных примеров достаточно даже в высококультурной, интеллектуальной среде. Общим языком со своими собственными детьми не смогли найти крупный русский-советский композитор, один из лучших мелодистов своего времени Н. Богословский, актрисы – Л. Гурченко, Н. Фатеева, Е. Ханаева, известная дрессировщица Н. Дурова и многие другие.

По воле культурно-исторического развития каждому поколению приходится проходить сквозь лучшие и худшие моменты жизненного пути, преодолевая периоды кризисов, стагнации и возрождения, полосы мятежей, войн и революций, застоя, крушения и побед. У многих поколений рождалась усталость от усложнения и упрощения, от инновационности и традиционализма. Сказано: «Время разбрасывать камни и Время собирать камни». Человеку присуще и то, и другое. Более того, всё это может быть свойственно одному поколению.

Грядущим поколениям ещё предстоит понять природу Человека, определить его «сущностные силы», затем, чтобы определить оптимальный баланс между мятежностью и

уравновешенностью, вечным движением и спокойствием. Это единственный способ остаться на пути творческого развития, обеспечивающего человеку глубокое чувство удовлетворения, одновременно не разрушая инстинкта самосохранения.

Сколь высокого качества духовной силы оказываются для человека свободная мысль и его вера хорошо показывают факты русской истории, при всех ошибках её и сложностях. Удивительной представляется столь тонкая и точная психологическая, воспитательная настройка общества в имперской России, при которой сохранялась та готовность высших сословий, весьма изнеженных и безмерно обеспеченных, служить «Царю и Отечеству», как на самых опасных (военное дело), так и ответственных (чиновничье поприще) местах и, чаще, не за страх, а за совесть. И это происходило не столько по необходимости, или чужому принуждению, сколько по велению души и чистого патриотизма.

Такая же духовная сила прослеживается у русских староверов. Известен факт, когда Екатерина II приказала прекратить их преследования, как только узнала о старообрядцах, которые в моменты неповиновения новым указам предпочитают сжигать себя в собственных избах, иногда целыми деревнями. Всё это примеры мощи человеческого духа, если он искренен и свободен.

Рассуждая о молодёжи, мы не должны забывать того, что молодость, обладая некоторым преимуществом, некоторой

форой, не имеет права на произвол, молодость не есть индульгенция от ошибок и грехов.

Безусловно, образ человека, в том числе, и молодого имеет свой субъективный фактор – индивидуальное предназначение, которое определяется совокупностью психофизиологических особенностей индивида, формирующих его задатки, склонности, таланты. Успешное наложение, совпадение субъективных и объективных моментов в ходе личностного и общественного развития обеспечивает наибольший успех в реализации судьбы человека, а, в конечном счёте, и всего сообщества. Главное сделать правильный выбор, и вовремя приправить его трудолюбием, терпением, упорством.

Глава I

Различные ракурсы становления человека

Реализм как центральный элемент анализа настоящего и будущего

Обращение к фундаментальным проблемам бытия, затрагивающим онтологические, гносеологические, аксиологические аспекты научной картины мира, несомненно, требует философской дерзости и простого человеческого мужества. Это не менее справедливо и по отношению к рассмотрению будущего тех процессов, которые сейчас разворачиваются перед нами, в том числе, и в среде молодёжи.

Людам на протяжении жизни приходится действовать, что-либо предпринимать, иначе говоря, проявлять активность, адаптируясь к окружающей действительности. Известная часть людей делает это довольно вяло, с ленцой, особо не утруждая себя. И главное, не выходя за рамки повседневных личных интересов. Другая, более активная часть человеческого сообщества, доводит состояние своей деятельности до критической, экстремальной степени, что вы-

ражается в творческих результатах: открытиях и изобретениях в науке и технике, высочайшем мастерстве и виртуозности в искусстве и ремеслах, героизме гражданских и ратных подвигов, рекордах в спорте.

Безусловно, креативный характер индивидуальных достижений связан с задатками, талантом, природной одаренностью или гениальностью мастера. Однако, не менее важно то, на что направлены талант и результаты его изощренности, часто не зависящие от морально-нравственных качеств самого автора. Творческий акт социально значим, поскольку всегда связан с созиданием, которое ведет к всеобщему благу. В этом принципиальное отличие творчества от экстремизма, ибо изобретения последнего, в конечном счете, несут лишь разложение и разруху. Даже при достижении всеобщего социального резонанса экстремистские действия не сулят обществу благоденствия.

При анализе человеческой деятельности давно назрела необходимость дифференцировать творчески экстремальную (созидательную) и экстремистскую (разрушительную) способность человека в проявлениях изощренности. Эта необходимость исходит из реального взгляда на природу человеческой активности, и не только с научной точки зрения, но и с точки зрения повседневного, житейского здравого смысла.

Человечество, не смотря на бесконечные войны, революции, мятежи, иные экстремистские и террористические

проявления, продолжает рассматривать свою жизнедеятельность, как норму. В то время как оно давно уже вышло за все пределы порядка, очерченного природой для всего живого. И, похоже, прав был Поль Валери, когда сказал: «Сознание царствует, но не управляет».

Со времени овладения хорошо отточенными орудиями труда, огнем, речью, с момента приручения и одомашнивания животных, изобретения колеса, человек вышел из зоны нормы естественного развития. Презрев все нормативы натуры, он устремился к освоению стихии экстремальности. Экстремальность практически стала его божеством и культурой. И сегодня человек, создавая средства массового поражения, воздействуя на климат, замахнувшись на область геной инженерии и биотехнологий, создание искусственного разума и покорение космоса, сам стремится стать Богом. На самом же деле человечество в своей значительной и весьма существенной части до сих пор нередко предстает лишь в образе изощренного хищника.

До поры Природа настороженно наблюдает за все возрастающими притязаниями человека, время от времени напоминая ему о своих собственных возможностях в применении средств все того же экстремального характера, что проявляется в природных катаклизмах: бурях, тайфунах, смерчах, землетрясениях, разливах вод и засухах. В запасе у Матери-Природы свои тайные агенты: кометы и астероиды, которые рыщут по всей Вселенной, а также черные дыры, из-

менения на Солнце, вызывающие потепление и похолодание земного климата. И это касается только макрокосмоса, а в микрокосмосе – вирусы, бактерии, вызывающие пандемии. Так недавняя эпидемия коронавируса, охватившая весь мир, в високосном 2020 году, поставила перед человечеством множество социальных, политических, культурных, экономических вопросов, определив главное противоречие в общественных отношениях, возникающее между социальным государством, способным к мобилизации ресурсов, и обществом, имеющим либеральную, рыночную модель, построенную на индивидуализме, эгоистической, корыстной конкуренции. Будем надеяться, что человек не подойдет к тому пределу, чтобы Природа была вынуждена остановить его безумную активность крайними средствами. Будем надеяться и на то, что Природа, породившая человека, гораздо лучше понимает цену применения экстремальных мер, а также то, что их использование должно быть оправдано.

Со стороны Человека необходимо определить «красную линию» в его взаимодействии с природой. Конечно, в будущем эта линия может оказаться достаточно подвижной. Однако, чрезвычайно важно то, чтобы Человек относился к природе не как к собственной мастерской или подсобке, но сохранял к ней сыновние чувства. Поэтому вопросы экологии Земли для человечества должны занять одно из ведущих мест.

Обозревая юношеские и молодёжные проблемы, перспек-

тивы их разрешения, безусловно, имеющие свою особую специфику, начиная с вопросов о «золотой молодёжи» («мальчики мажоры»), группах смерти в интернет-сообществе, которые кроме того призывают к антисоциальной деятельности, ведут к потере социальной идентичности, кончая миром иных, изощёренных виртуальных иллюзий, необходимо опираться на законы философской антропологии, общего человекознания.

Одна из задач современной философии состоит в раскрытии новых глубин диалектического взаиморазвития, взаимопроникновения идеального и материального. Однако, как представляется, здесь трудно добиться успеха вне контекста понятий, существующих в рамках экстремологии: максимума и минимума, наибольшего и наименьшего, экстремальности, экстремизма, экстремума, оптимальности, эффективности, а также примыкающих к ним категорий: конечного и бесконечного, возможности и невозможности, действительности и изменяемости, изощёренности (остроты), извращённости и мн. др. Проще говоря, более полному решению задачи может способствовать системное изучение экстремальных законов, принципов и закономерностей, действующих в природе, обществе, мышлении.

К феноменологии развития (с позиций социальной экстремологии)

Об объективной потребности в осмыслении всей понятийно-категориальной системы социогуманитарного знания свидетельствует та конкретная атмосфера, которая сложилась в современной науке вокруг проблемы общественного и духовного развития. Человечество, оставаясь на путях активизма, перфекционизма, перспективизма, прогрессизма до сих пор, не смогло до конца внятно и удовлетворительно ответить на вопросы: что есть культура? и что есть развитие?

Адресуясь к насущным проблемам модернизации, мы продолжаем затрагивать только верх айсберга культурного развития, основной конус которого скрыт в пучине исторического непостоянства, неустойчивости, изменчивости, обновления. Беря в расчет лишь видимую часть его структуры, мы упускаем из виду наиболее древние и наиболее глубокие пласты всего айсберга эволюции, предопределяющие собой ход поступательного движения, осуществляемого в соответствии с неким генеральным принципом развития, который необходимо определить как *принцип изошренности*.

Как известно, культурное развитие происходит в условиях изменяющегося постоянства, что затрудняет объяснение механизма возникновения нового, тем более, если новое понимается как «невыводимое из наличного бытия» (В. Н. Са-

готовский). Ведь, строго говоря, из наличного бытия выводима только изощренность, т. е. старое, доведенное до *новой степени отточенности*, где новое предстает не в виде некоего клона или продукта, сошедшего с конвейера, и не в виде очередной фантазмагии, но как нечто утонченное, в высшей степени отточенное, либо заточенное по-новому, под иные задачи, потому и более действенное, т. е. способное к большей проницательности, пронзительности, проникновенности.

В контексте наших рассуждений важно отметить, что заточка, как указывают учебники и энциклопедические словари, это «операция, обеспечивающая надлежащие режущие свойства инструментов путем придания их рабочим частям определенной геометрической формы»¹. Последнее – чрезвычайно важное условие, поскольку процесс развития проявляется все в той же геометрической конфигурации, которую отличают конусность или пирамидальность («пирамида роста», «конус развития» и т. д.). В самой основе данных форм лежит угол – геометрическая фигура, состоящая из точки и двух лучей, исходящих из этой точки.

Издавна островерхая, остроконечная форма, графически изображаемая как гипербола, парабола или синусоида, символизирует пульсацию жизни, подъем и спад культурных процессов, взлеты и падения человеческого духа. Достаточ-

¹ Энциклопедический словарь / глав. ред. Б. А. Введенский, т. в 3-х Т. 1, М., 1953, с. 634.

но вспомнить древнеегипетские пирамиды, пагоды Индии, Японии, Китая, православные или католические храмы и соборы.

Отталкиваясь от системных закономерностей, находящихся свое выражение в пирамидальных, треугольных связях, обозначаемых вихревыми, конусообразными формами с характерным присутствием граней, вершин, пиков, углов, можно утверждать, что без реализации подобных геометрических конструкций оказалось бы невозможным не только активное движение и связанные с ним действия, но элементарное перемещение в пространстве. Ибо только благодаря гибкости живых тел, принадлежащих им членов и суставов, их способности сгибаться под различным углом, принимая все ту же остrokонечную форму, обеспечивается не только передвижение, но и жизнедеятельность всего живого².

С помощью особой гибкости тела перемещается огромный отряд пресмыкающихся, в частности змеи. Тем же образом в морской пучине перемещаются водоплавающие и рыбы. Птицы осуществляют свой полет за счет взмахов крыльев, добиваясь этого благодаря изменению угла крыла относительно тела и воздушных потоков.

Таким образом, феномен изошренности, обострения, закон стяжения в единую точку выступает как системный экстремальный принцип движения и развития, поскольку вы-

² Гибкость тела и отдельных его членов во многом способствует стимулированию эротических переживаний, переходящих в сексуальную активность.

ражает наиболее общее, универсальное свойство, приводящее в действие различные индивидуальные и всеобщие культурные формы. Именно здесь, в краевых, предельных точках эволюционного движения обнаруживают себя экстремальные координаты культуры, которые нередко очаровывают, завораживают человека, захватывая его воображение с непреодолимой силой вихря, смерча, водяной воронки. Именно в этих экстремальных точках, во всей системе экстремальных координат скрыта глубинная мотивация к творчеству, а такие понятия как «изошренность» («острота»), «культура», «развитие» приходят к внутреннему согласию и единству.

Об этом нам напоминает мир многогранников и многоугольников, так называемые «Платоновы тела», скалярные (от лат. *scalaris* – лестничный, ступенчатый) структуры, тригональная (от лат. *trigonalis* < гр. *trigonon* – треугольник) система – в кристаллографии – система, кристаллы которой имеют форму пирамиды, призмы и т. п. Сюда же можно отнести фрактальные системы (фрактальная геометрия) или множество Мандельброта с эффектом самоподобия, а также огромный раздел математики – тригонометрия (гр. *trigonon* – треугольник + *metreo* – мерю), изучающий тригонометрические функции и их применение к решению главным образом геометрических задач. «Если хотите познать предмет, узрите в нем треугольник и проблема будет решена» – утверждал Пифагор. Его убеждением было также то, что «любая вещь

состоит из трех». Треугольник остается интересен тем, что является самой устойчивой фигурой, и это та единственная геометрическая фигура, на которую без остатка делятся все остальные.

Принцип изощренности (обострения) как системный экстремальный принцип развития природной и культурной среды в своем арсенале имеет два основных аспекта: *виртуозность* – стремление к высшему совершенству, восхождению (возгонке) и *оригинальность* – тягу к самобытности и самостоянию, что реализуется в вариационности и комбинаторике нередко посредством перебора всех возможных и мыслимых вариантов. При этом обе ипостаси могут уживаться или входить в острое противоречие друг с другом (как в вопросе о приоритетах национальных или общечеловеческих ценностей в условиях глобализации). Однако подспудно они всегда работают на процесс оптимизации, ибо призваны обслуживать механизм поиска наилучших решений. Так при всей кажущейся дискретности событий культурно-исторический процесс сохраняет преемственность и последовательность в непрерывности, целостности своего поступательного движения, которое стремится достичь полной кульминации, апогея развития, пробиваясь сквозь первоначальные догадки и прозрения, дальнейшие ошибки и заблуждения к сути вещей и явлений.

Экстремальные (вариационные) или, как их еще называют, оптимальные принципы, прямо указывают на то, что

блуждания по воле броуновского движения, пребывание в безбрежных вариациях субъективности и эгоцентризма бессмысленны, если нет магистрального пути, нет того конуса или фокуса развития, который указывает на нечто консолидирующее, обладающее сердцевиной, вобравшей в себя все идеальное, классическое, канонически образцовое, объективно верное.

Таким образом, в жизнедеятельности человека изощренность предстает как эквивалент *творческой экстремальности*, как обнаженный нерв развития и изменения, смыслом которого являются результаты, выходящие за шкалу имеющихся стандартов, а целью – проникновение в новые пласты бытия. Это подтверждается разнообразными параметрами культуры, сформированными *остротой* восприятия, *остротой* реакции, *остротой* впечатлений и переживаний, чувств и эмоций, которым противостоит *тупое* равнодушие, а также все банальное, плоское, пошлое, пресное.

Проявления, в самой своей основе, содержащие момент обострения, характеризуют изощренность как стихию, во многом определяющую развитие природной среды и культурной активности человека, которого наравне с природой необходимо рассматривать как *самозатачивающуюся систему*.

Вместе с тем остается основной и самый тяжелый вопрос эволюции и прогресса – что дальше? Социальные процессы и явления, как все прочие, в ходе своего развития стремят-

ся преодолеть путь от основания пирамиды до ее вершины, оптимальной точки. Однако, в реальной жизни конус развития может быть усечен, смещен, перевернут на 180° . Реальная действительность и представляет собой взаимодействующую совокупность бесконечного количества таких разнообразных конусов и пирамид. При этом принципиальная схема подобной конфигурации остается справедливой для любых процессов, имеющих как прогрессивный, так и деструктивный характер. Отличие негативного конуса развития от позитивного состоит лишь в том, что его вершина (острие) направлена в противоположную сторону.

Сегодня актуальной остается проблема формализации представлений о процессуальных аспектах бытия, в том числе, и социального порядка. Универсализация, систематизация законов и принципов возможна только в рамках фундаментальных исследований. В области современной философской антропологии, общего человекознания, обществоведения назрела необходимость расширения круга закономерностей и обозначающих их понятий, служащих для объяснения новых сверхсложных социальных процессов, разворачивающихся в эпоху технотронной цивилизации. Это, прежде всего, касается экстремальных (оптимальных) законов и принципов, позволяющих взглянуть на развитие человека и его деятельности в системе *экстремальных координат*. Концепция «человека изошренного» не столько оспаривает, сколько дополняет, расширяет представления о «чело-

веке разумном», поскольку новая дефиниция человека оказывается более объемной и соотносится с прежней как целое с частью.

В XXI веке внимание к изучению культурных процессов, «элементарных частиц» интеллектуальной, духовной сферы должно быть не меньшим, чем к вопросам познания фундаментальных свойств материи. Поиски в этом направлении создают объективные предпосылки для решения организационно-методических вопросов развития и модернизации, обладающих перспективным взглядом и опережающим мышлением.

Усложнение и утончение как две стороны процесса развития

Сегодня весьма не просто включиться в хор высказываний по поводу процесса развития, понимаемого как высший этап движения и изменения, приводящего к иному качественно-му состоянию, от старого к новому.

В современной научной литературе, в частности, в синергетике, всё в большей степени говорят о сложных процессах и системах, выдвигаются концепции «сложного человека», «сложного общества». При этом без внимания остаётся аспект развития, который мало исследован, порой лишь всуе упоминаемый, только как искусствоведческий, в лучшем случае, культурологический термин. Речь идёт о понятии «изошрённость» (от ст. слав. изострять) и многочисленных его производных: «обострение», «отточенность», «уточённость», «тонкость» и т. п., которые должны выйти на общенаучный уровень осмысления.

Основной пафос этой работы состоит в том, чтобы выделить и оттенить такое качественное свойство развития, подчас трудно уловимое, порой примыкающее к состоянию сложности или идущее с ним параллельно, а, иной раз, противостоящее ему, составляющее феномен утончения, обострения, без которого представление о развитии в природе и человеческой деятельности остаётся неполным, а

то и принципиально невозможным.

«Сложность» и «утончённость» – два самостоятельных, самодовлеющих начала, которые не столько отрицают, сколько дополняют друг друга. В целостном процессе развития они балансируют в поступательном движении, усиливая, либо ограничивая один другого.

Несмотря на то, что в определённых фазах развития сложность и утончённость вполне могут быть свиты, переплетены, соединяясь в некоем качественном единстве, подмена, смешивание категорий сложности и тонкости является тем же самым, что не замечать разницу между кислым и громким, лёгким и чистым. Как говорится в русской пословице: «В огороде бузина, в Киеве дядька». Поскольку для состояния усложнения полярными выступают категории «простота», «упрощение» (опрощение), «элементарность» или даже «примитивность», а характеристике утончения противостоят определения косности, заскорузлости, грубости, тупости (отсюда тупик, тупоумие, молодежное – тупить и т. д.), общим для которых оказывается относительное отсутствие развития, весьма возможна их подмена, приводящая к серьёзным осложнениям в анализе процесса развития и, прежде всего, в области его морально-нравственных и социокультурных оценок. Трудно представить, во что превратилась бы «обезьяна» на эволюционном пути к человеку, если бы она только усложнялась, минуя процесс утончения? Что в таком случае стало бы с культурой, с цивилизацией?

Следует отметить, что концепция «сложного человека» не столь нова. Неправомерное отождествление понятий «совершенствование» и «усложнение» было свойственно теоретикам и практикам барокко XVI – XVIII веков (Б. Грасиан, Дж. Марино, Э. Тезауро, Л. Гонгора и др.), которые ввели понятие «изошрённость» в научно-теоретический обиход, положив его во главу угла своей как эстетической, так и этической концепции, что во многом определило их теорию личности. Суженная трактовка понятия «изошрённость», сведение его к понятию «усложнение», неспособность уяснить разностороннюю, спектральную направленность скрытого под этим понятием явления, определяющего собой важнейшее универсальное свойство процесса развития, явилось крупной и существенной ошибкой всей теории барокко, в конечном счёте, определившей ограниченность её и незавершённость.

Усматривая в развитии параметр усложнения как основной, доминирующий, синергетика вслед за теорией барокко упускает из виду тот факт, что характеристика усложнения плохо работает, а то и не работает вовсе, в морально-нравственном и подлинно эстетическом развитии. Если где-то в общественно-гуманитарной сфере усложнение и проявляет себя в значительной мере, так это в бюрократических и юридических институтах и нормах, и то, когда речь идёт о формализации их работы с целью выдвижения новых препонов и запретов. В области морально-нравственных, культур-

но-эстетических взаимодействий, как правило, востребуется не столько усложнение, сколько упрощение и утончение, то есть, доступность, открытость, искренность, прямота, при сохранении душевной тонкости, человеческой деликатности и такта. А. П. Чехов по этому поводу утверждал, что, стремясь помочь плачущей женщине, мало предложить ей стул, необходимо развернуть стул таким образом, чтобы никто не видел её заплаканного лица.

Со времени возникновения умеренного барокко (М. Перегрینی, С. Палавичини, Д. Бартоли и др.) становится ясно, что упования мастера единственно на усложнение, которое, конечно, присутствует в искусстве, но не сопровождаемое эффектом утончения, не оправдывает себя, ибо быстро утомляет и наскучивает. Нагромождение всё новых и новых элементов в барочных произведениях и, прежде всего, в архитектуре, привело к тому, что психика человека стала уставать от чрезмерности, и здесь потребовался переход к новой простоте, которую нашли в классицизме, неоклассике, ампире. Традиционно в языке понятие «упростить» соотносится с понятиями «облегчить», «ослабить», а понятие «усложнить» – с «осложнить», «запутать», «затруднить»³.

Феномен утончения в большей степени выражает гуманитарное развитие, доминируя в социокультурных и духовных процессах. Усложнение оказывается ближе к техническому, технологическому развитию. Однако и здесь, если мы

³ Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. М., 1969, с. 565; 567.

обратимся к наиболее фундаментальным открытиям естествознания, сделанным ещё со времён Николая Кузанского и Джордано Бруно, мы увидим, как данные вопросы решались в контексте экстремальных понятий, законов и принципов, которые явились выражением лёгкости, простоты, экономии, совершенства.

Достаточно вспомнить экстремальные (иначе вариационные или оптимальные) принципы: в частности, закон кратчайшего пути прохождения света Ферма в геометрической оптике; принцип наименьшего действия в физике; экономии энергии в биологии; бритва Оккама; принцип экономии мышления Э. Маха или принцип наименьшего усилия Ципфа и др. С данных позиций общая идея движения любых объектов по линии наименьшего сопротивления в среде рассматривается как фундаментальный принцип, ведущий, в частности, к пониманию смысла оптимальности и оптимизации. Исходя из этого, И. Бернулли формулирует мысль о том, что «природа всегда действует простейшим образом»⁴. И. Ньютон в своих «Началах» указывает, что «Не должно принимать в природе иных причин сверх тех, которые истинны и достаточны для объяснения явлений. Природа ничего не делает напрасно, а было бы напрасным совершать многим то, что может быть сделано меньшим. Природа проста и не роскошествует излишними причинами вещей»⁵. В

⁴ Бернулли И. Избранные сочинения по механике. М.; Л., 1937, с. 36–37.

⁵ Голицин Г. А., Петров В. М. Гармония и алгебра живого. М., 1990, с. 11.

свою очередь, Лейбниц утверждал: «Мудрецу не свойственно тратить силы сверх надобности»⁶. Отсюда, наконец, вытекает представление о предельном идеальном знании, к которому стремится наука, сформулированное Ньютоном тоже, как экстремальный принцип: «...объяснить как можно большее количество фактов как можно меньшим числом исходных положений»⁷

⁶ Там же, с. 16.

⁷ Голицин Г. А., Петров В. М. Гармония и алгебра живого. М., 1990, с. 8.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.